

Патриарх Московский и вся Русь

КИРИЛЛ

*Диалог
с историей*

Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви
Москва 2020

УДК 281.93
ББК 86 372
К431

У нас больше непосредственной и благородной веры в добро как в христианство, а не как в буржуазное разрешение задачи о комфорте.

Ф. М. Достоевский

Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси

К431 Диалог с историей / Послесл. А. В. Щипкова. — М. : Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2020. — 224 с.

В книге «Диалог с историей» Святейший Патриарх Кирилл продолжает беседы с читателем о насущных проблемах прошлого, настоящего и будущего. Речь идет как о России и русских, так и о состоянии западного общества. В центре внимания Патриарха — судьба Русской Православной Церкви в XX и XXI вв., трагические страницы советской эпохи и подвиг новомучеников, феномен «исторической Руси» и миссия Русского мира, нравственные основы социума, значение русского языка и русской культуры, причины мировой христианофобии и последствия разрыва Запада с собственной традицией, а также возможный вклад России и Русской Церкви в дело духовной репатриации народов.

© Издательство Московской
Патриархии Русской
Православной Церкви, 2020

ISBN 978-5-88017-851-3

Предисловие ко второму изданию книги «Диалог с историей»

С радостью приветствую читателей второго издания моей книги «Диалог с историей».

Хотел бы подчеркнуть, что на сегодня эта книга является для меня одной из наиболее значимых среди моих прежних трудов. В ней подводятся некоторые итоги моих раздумий относительно прошлого, настоящего и будущего народов-наследников исторической Руси. Наиболее важные темы, суждения и мысли из иных моих книг и выступлений встретились на этих страницах друг с другом и выстроились в определенную систему.

Слово «история» имеет несколько значений. В соответствии с одним из них «история» есть течение времени и событий, судьбы людей, народов и государств, смена поколений и эпох. Эта история рукотворна, но вместе с тем имеет провиденциальное измерение. Ее мы творим сами, и в этом смысле диалог с историей ведет каждый из нас. Чем более этот диалог осознанный, тем сильнее мы можем влиять на происходящее и на выбор будущего.

Например, возвращение в 2019 году парижской Архиепископии в лоно Русской Православной Церкви — провиденциальное событие. Это долгождан-

ное завершение воссоединения западноевропейских приходов русской традиции с Матерью Церковью. В течение 100 лет наша Церковь, подвергаясь жесточайшим преследованиям со стороны богоборческой власти, преодолевала порожденные внешними обстоятельствами различные нестроения и расколы. Разделение на обновленческие, катакомбные и зарубежные движения имело социально-политические причины и было искусственным. А воссоединение — это, конечно, великая милость Божия к нам, это Его ответ на совместные молитвы, чаяния и усилия многих людей.

Диалог с историей не только связан с прошлым, но и неотделим от настоящего и будущего. На протяжении своей истории наш народ переживал различные трагические события, сталкивался с тяжкими испытаниями, преодолевать которые ему помогала вера, любовь к родной стране, к своему языку, мужество, терпение и самопожертвование. Осмысля события минувшего времени и извлекая уроки из прошлого, будем каждый на своем месте вносить вклад в созидание духовно сильного и нравственно здорового общества, будем строить нашу жизнь на основе непреходящих идеалов милосердия и мира, добра и справедливости.

И да поможет нам в этом Бог!

Вступление к изданию 2019 года

Эта книга ушла в печать не сразу. Она ждала своего часа, и, мне кажется, момент был выбран правильно. Именно сегодня наша Церковь и наше общество стоят перед определенным выбором. Открылось окно возможностей, когда мы в силах преодолеть — если, конечно, захотим и соберемся с духом — неопределенность и духовный вакуум, пришедшие в 1990-е на смену прежней идеологии и не изжитые нами до конца.

Здоровое общество, как и здоровый человек, обычно понимает, зачем, ради каких целей оно живет, ради чего люди работают, изобретают, помогают друг другу в трудных обстоятельствах. Хорошо, когда ответы на эти вопросы черпают непосредственно из Евангелия, — но не все общество состоит из воцерковленных людей. Между тем христианские нравственные ценности универсальны во всех отношениях. Универсальны они и в том смысле, что обладают целительностью и животворностью даже для людей неверующих и сомневающихся — только тогда их приходится переводить на язык секулярной культуры. И в этом случае они тоже работают. Чего нельзя сказать об идеях секулярного гуманизма и позитивизма, даже если эти идеи

изложены с использованием элементов теологического стиля и христианской символики. В любом высказывании важно разделять форму, содержание и задачи говорящего.

Сегодня мы переживаем период, когда общество в состоянии полностью преодолеть духовный недуг. И главный вопрос заключается в том, сможет ли оно четко сформулировать те незыблемые основания, которые превращают нацию в единое целое, те ценности, идеалы и установления, которые определяют ее идентичность и историческую субъектность. Задача осложняется тем, что история России полна зигзагов, исторических срывов и трагедий — что, впрочем, отнюдь не является какой-то нашей уникальной особенностью. В истории многих наций хватает мрачных периодов и даже катастроф. Но здоровье народа зависит от способности преодолевать травмы и идти дальше, раскрывая те таланты, которые даны ему Богом. Нам необходимо выйти на свою историческую дорогу. А значит, нам предстоит актуализировать в глубинной национальной памяти те пласты и символы, которые сохраняются всегда — вопреки войнам, революциям, расколам и смутам — и не зависят от сиюминутных идейных разногласий.

Гражданский раскол XX века может быть преодолен только гражданским единением, возвращением к состоянию целостности — «целомудрия». И здесь нам ничто не поможет так хорошо, как наш православный образ мысли, который ставит во главу угла идеал целомудрия, а также идеал самопожертвования — умения пренебречь собой ради любви к другому,

не побоявшись испытаний. Урок такого самопожертвования преподал нам Господь, когда принял Свой Крест. Дело за тем, чтобы показать, насколько хорошо мы этот урок усвоили. Я уверен, что наша Церковь и наше общество выдержат этот экзамен. И если моя книга внесет хоть самую малую лепту в это общее дело, я буду знать, что не зря рискнул выпустить ее в свет.

РОЛЬ ЦЕРКВИ В ИСТОРИИ РОССИИ

Русская Православная Церковь — единственный общественный институт в России, не потерявший исторической преемственности. Православие задает параметры национальной идентичности, которые не вполне зависят от религиозности. Традиция говорит через нас, даже когда мы об этом не подозреваем. Богочеловеческая природа Церкви и соединение вечного с временным. Некорректно приписывать Церкви узкие регламенты — только роль хранительницы традиции или только роль строителя будущего. Расколов, смут, революций и контрреволюций в России больше быть не должно. В 1990-е не была преодолена догма об отделении Церкви от общества. Духовный вакуум и социал-дарвинистская мораль. Церковь нуждается в свободном взаимодействии с государством.

Необходим академический труд «История Русской Православной Церкви в XX веке». Благодаря подвигу новомучеников сохранилось историческое бытие Церкви. Русская Православная Церковь — не Церковь Российской Федерации, но Церковь многих народов. В семье народов исторической Руси нет лишних братьев. Разрыв между личным и общественным в сознании — это тяжелейшее духовное увечье. Социальные вопросы рассмотрены в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви». Урок из опыта минувшего века: нельзя строить общественную жизнь без Бога. Каким будет наш Русский мир с его византийским наследием, зависит от нас самих.

Гражданам России довелось пережить три века неожиданных поворотов и глубоких исторических разрывов. Одни общественные институты уходили в небытие, другие неожиданно появлялись на исторической сцене.

Церковь также переживала трудные времена. Тем не менее она остается, как подсказывают историки и социологи, самой долгоживущей общественной организацией Русского мира. Русская Православная Церковь является единственным социальным институтом, не терявшим преемственности на всем протяжении истории стран ее канонической ответственности: дореволюционной истории во всем многообразии ее эпох, советской и постсоветской истории. С Божией помощью она смогла сохранить себя,

несмотря на все потрясения. И это, если так можно сказать, историческое «везение», а на самом деле Промысл Божий — накладывает на нас огромную ответственность. Ответственность не только за окормляемую паству, не только за нравственное состояние нашего народа, но и за культурную преемственность в обществе, за нашу общую верность нашему историческому предназначению. Православие — это христианская ортодоксия. Но в историческом смысле это еще и наш культурно-исторический тип, параметры нашей национальной идентичности, которые, как ни странно, не всегда зависят напрямую от степени религиозности тех или иных социальных групп — и в этом, я думаю, одна из тайн Божиего Промысла.

Стойкость, мужество, героизм, способность к самопожертвованию, которые демонстрировали наши солдаты во время Великой Отечественной войны, имеют корни в православной культуре — хотя воевать нам довелось в период принудительного государственного атеизма и часть воевавших, вне всякого сомнения, имела атеистическое мировоззрение. Но традиция говорит через нас и тогда, когда мы об этом не подозреваем. И в этом, я уверен, скрыт глубокий провиденциальный смысл. Интегрирующая роль Церкви в периоды смут, катаклизмов, «великих переломов» и исторических разрывов связана также и с этим немаловажным обстоятельством.

Церковь, выжившая в исторических катаклизмах, сегодня в состоянии помочь обществу связать

воедино оборванные нити разных исторических эпох. Что это значит в действительности? Активное участие в культурной политике, в осмыслении нашей истории в рамках обновленного национального консенсуса. В наших силах сделать так, чтобы отход от многих стереотипов советского периода вел нас к реальному возрождению ценностей, присущих нашей духовной и культурной традиции, а не к выхолощенной и бессмысленной «постсоветскости», выстроенной в постмодернистских декорациях. В наших силах также отделить идеологические клише советского официоза от подлинного социального творчества народа, самостоятельно, независимо от начальства, практиковавшего разные формы солидарности и общей социальной ответственности, исторически восходящие к общинности и соборности. Там, в глубине народного сознания, концы этой исторической нити легко нащупать, оборванную «связь времен» — восстановить.

Церковь в состоянии начать этот процесс и шаг за шагом идти к решению этой важнейшей задачи. Причина тому — Богочеловеческая природа Церкви, соединение вечного с временным, видимого с невидимым, небесного с земным.

В историческом бытии это проявляется в особой миссии Церкви, помогая ей взглянуть на сиюминутные проблемы с той дистанции, которую определяют ее Богочеловеческая природа, ее сопричастность вечности. Именно этот угол зрения и дает Церкви возможность служить примирению людей и сохранению мира.

«Времен связующая нить» — вот предмет наших постоянных помыслов. Сегодня мы призваны с христианских позиций размышлять о вызовах, с которыми приходится сталкиваться современной цивилизации, думать над тем, какой ответ может предложить обществу Церковь и как мы можем актуализировать Евангельское послание применительно к реалиям и проблемам нашего дня.

В этом отношении представляется совершенно бессмысленным приписывание Церкви строго определенных социальных регламентов — например, только роли хранительницы традиции или только роли строителя будущего. Разные ипостаси не существуют друг без друга.

Пора отвыкать от мышления антиномиями, от рассуждений в логике «или — или», которые не помогли в XX веке ни нам, ни Западу. Антиномии бесплодны, порой они подталкивают к узколобому фанатизму.

* * *

Чтобы Церковь могла успешно выполнять свою социальную роль и участвовать в создании новых культурных смыслов, она нуждается в симфоническом взаимодействии с государством. Говоря о современной симфонии, я имею в виду прежде всего баланс церковно-государственных отношений, позволяющий формулировать и поддерживать тот самый нравственный консенсус, который становится базисом для нормальной деятельности общественных институтов.

В царской России Церковь была государственной, во главе ее был император, а не патриарх. Но управлялась Церковь бюрократической администрацией, именуемой обер-прокурорством Святейшего Правительствующего Синода. В преддверии революции лучшие умы как Церкви, так и государства начали задумываться о роли Церкви в российском обществе, о том, как сделать эту роль более очевидной. В очень непростое время, примерно за год до революции 1905 года, тогдашний премьер-министр Витте обратился к государю императору с докладной запиской, в которой указал, что одна из причин ослабления влияния Церкви на народ заключается в том, что между Церковью и высшей государственной властью, Церковью и народом есть некая бюрократическая прослойка, — имея в виду бюрократическую государственную институцию. Действительно, без вмешательства государства не существовало прямого диалога Церкви ни с высшей государственной властью, ни с обществом.

И вот в 1917 году произошло избрание патриарха. Избрание произошло под гром артиллерийских ударов по Кремлю, в самое тяжелое время нашей истории. Но оно все-таки состоялось. И, наверное, трудно себе представить, как бы развивалась история нашей страны, я не говорю уже об истории Церкви, если бы в эту годину смуты Русская Церковь не получила своего канонического возглавления. Избрание патриарха Тихона восстановило после более чем 200-летнего перерыва каноническое

возглавление Русской Православной Церкви. Это был промыслительный шаг.

Восстановление патриаршества 100 лет назад, когда страна была охвачена смутой, стало важнейшим фактором, способствовавшим консолидации Церкви.

Святитель Тихон в годину гонений стал для православного народа символом верности Христу. Именно поэтому главный удар был направлен на патриарха Тихона. И мы знаем, какой путь исповедничества прошел святитель Тихон. С одной стороны — изоляция от окружавших его помощников, от близких людей, от всего общества, компрометация в прессе, запрет на совершение богослужений. С другой стороны — спровоцированный в это же самое время раскол со стороны тех, кто стремился обновить, «улучшить» Церковь. А разве сегодня не точно таким же образом действуют некоторые, в том числе и рясу носящие, которые выступают за необходимость обновления, улучшения, но на самом деле сеют семена разделения и раскола? Ничего нового, все повторяется...

После революционных событий, когда были провозглашены принципы отделения Церкви от государства, казалось, что государство перестанет отделять Церковь от возможного прямого диалога с народом. Но произошло совсем не то: буквально с первых дней существования новой власти, уже через особые институции, включенные в спецслужбы тогдашнего советского государства, начались попытки формировать ту же политику, что была

до революции, а именно — согласовывать назначения, контролировать все, что происходит на уровне высших церковных решений. Другими словами, вмешиваться в церковную жизнь, преследуя конкретные цели, причем в то время к общегосударственным интересам активно подключились интересы идеологические.

У Церкви был всему этому внутренний противовес. Личность патриарха Тихона, человека, исполненного смирением, мудростью, спокойствием, любовью к людям, была сильнейшим объединительным началом. И даже тогда, когда патриарх Тихон в 1925 году скончался, институт патриаршества не был ликвидирован. Не было патриархов, но были блюстители — Местоблюстители Патриаршего престола, то есть всегда была некая личность, которая несла окончательную ответственность за то, что происходило в Церкви. Мы знаем, что трудами этих людей, особенно трудами митрополита Сергия, который в 1943 году стал Патриархом Московским и всея Руси, во многом сохранилось историческое бытие нашей Церкви.

Все это было позже. Но еще до избрания патриарха Тихона появились жертвы, стали убивать священников, грабить и разрушать храмы. Стало ясно, что Церковь входит в тяжелейшую пору испытаний. Отдельного описания достойна история Храма Христа Спасителя — как известно, разрушенного в 1931 году. Те, кто разрушал этот храм, осознали, что они делают, — они посягали на символ русского Православия. И тогдашний руководитель

города Москвы, один из гонителей нашей Церкви, чье имя всем известно, произнес совершенно омерзительные слова, которые я не решусь повторить в этой книге. Но этими словами он в полной мере отобразил настроение тех, кто организовывал и осуществлял беспрецедентное гонение на Русскую Православную Церковь...

По Промыслу Божию начало гонений совпало с началом работы Всероссийского Поместного Собора. Его определения, материалы заседаний, а также предсоборные подготовительные документы во многом сохраняют свою актуальность и по сей день, ибо затрагивают животрепещущие вопросы устройства церковной жизни. Думаю, что масштабная исследовательская работа, посвященная Собору 1917–1918 годов, которая ведется сегодня, представляет не только отвлеченный академический интерес. Именно в той духовной среде, из которой вышли мученики веры, и возникли идеи церковного возрождения, оказавшегося отложенным во времени, но, с поправкой на изменившиеся условия, осуществляющегося ныне.

Мудр тот, кто умеет применять исторический опыт в своей собственной жизни. И дай Бог, чтобы трагедия, которая произошла с нашей Церковью, обогатила нас именно тем опытом, отталкиваясь от которого мы бы сегодня могли консолидированно, соборно, мирно преодолевать те трудности, которые реально существуют и в жизни Церкви, и в жизни нашего народа, стараясь укреплять *единство духа в союзе мира* (Еф. 4, 3).

Вместе с тем, взирая на события минувшего века с высоты исторического опыта, мы можем видеть, сколь тщетно на самом деле противостояние воле Божией, будь то уровень отдельной личности, или масштабы целого общества и государства, или масштабы всего Божиего творения.

История, как известно, не знает сослагательного наклонения. Как это созвучно словам Спасителя: *Как слышу, так и сужу, и суд Мой праведен* (Ин. 5, 30)! Действительно, что было, того не изменишь, произошедшему следует лишь постараться дать беспристрастную оценку. А это требует внимательного и честного исследования истории со всеми ее неприглядными страницами.

Мы можем рассуждать о том, почему и как в России произошла национальная катастрофа, подвергнуть анализу различные этапы исторического пути нашей Церкви и обратиться к подвигу новомучеников и исповедников XX века.

Трагические последствия начинавшейся смуты отчетливо видел священномученик Андроник, архиепископ Пермский, которому принадлежат такие слова: «Да не будет между нами разделений. Все, как один человек, в эту грозную пору устоим в ровности духа и далее со Христом единомысленно, согласно и мирно да пребываем все в это трудное время, возложенное на нас как испытание. Пусть всякий знает: Отечество в опасности; оно потрясено в своих основах. Не предадимся печали, но исполним свой долг, принесем подвижничество в труде, к чему призывает нас Россия». Владыка произнес

эти замечательные слова на проповеди 5 марта 1917 года, во время совершения Божественной литургии. И мы хорошо знаем, как развивались события на протяжении всех этих страшных месяцев 1917 года, от февраля до октября.

Разумеется, революционные события начала XX века были порождены не предшествовавшими им 10–15 годами. Это результат более чем 200-летнего развития нашего общества, внутри которого росли противоречия: культурные, духовные. Нельзя все сводить только к экономической оценке ситуации, к социальному и имущественному расслоению, к «земельному вопросу». Палитра противоречий была куда более разнообразной.

Возникает вполне предсказуемый вопрос: о чем же думала Церковь, почему она не успокоила общество и не остановила сползание к катастрофе? Ответ чрезвычайно прост и даже банален: внешнее «благополучие» дореволюционной Церкви — это видимость. На самом деле Церковь была по рукам и ногам скована государством. Конечно, государство было православным, царь был православным. Но Церковь, лишённая патриаршего возглавления и подчиненная государству, была лишена самого важного — возможности говорить людям, не оглядываясь на власть, Божию правду об их духовном состоянии, давать оценку с духовной точки зрения политическим процессам в обществе. Священники могли говорить о личной жизни человека, семейной жизни, но никто из высшего духовенства не имел права давать оценку происходящему

в стране, потому что главой Церкви был государь император, и только он мог давать эти оценки. Поэтому, когда разнонаправленные политические силы начали действовать на разрыв страны, Церковь не могла им ничего противопоставить. Отсутствие канонического управления Церковью привело в определенной мере к катастрофическим последствиям. И когда не очень доброжелательные критики говорят нам сегодня: «Вы тоже виноваты в том, что произошло!», — мы вынуждены признать: да, здесь есть вина Церкви. Но она происходит не от самой природы Церкви, а от тех совершенно неправильных и неестественных условий, в которых более 200 лет Церковь находилась.

Потеря Церковью возможности нести свое пророческое слово в какой-то мере содействовала тому, что все больше образованных людей переставали слушать ее голос, и когда в предреволюционные годы пламенные проповедники стали обращаться к народу, их проповедь часто не выходила за стены храмов.

В 1990-е годы отношение к религиозным организациям в государствах постсоветской зоны изменилось на законодательном уровне. Ко Христу обратились миллионы людей, открывались храмы и монастыри, получило развитие богословское и религиозное образование. Церковь ясно заявила, что не должно быть никаких бюрократических структур между нею и светской властью.

Но духовное состояние общества в целом контрастировало с настроениями в церковно-рели-

гиозной сфере. Нашлись горячие головы среди новых революционеров, которые планировали создать министерство по делам религии. Некоторые из известных людей, активно принимавших участие в политических переменах, даже предлагали свои кандидатуры в качестве новых обер-прокуроров. Одновременно с этим в обществе нарастал идейный хаос, за которым последовала ценностная дезориентация народа. Она сопровождалась такими явлениями, как правовой нигилизм, утрата взаимного доверия и чувства общей ответственности. Пропагандировались псевдогуманистические идеалы, связанные с моральным релятивизмом, принципами потребления, ницшеанским правом сильного. В ход пошла социал-дарвинистская мораль, в рамках которой развитие общества якобы происходит на основе естественного отбора. Всё должна была устроить мифическая «невидимая рука рынка», а на деле тон в стране задавали нувориши. Социально незащищенным группам населения, которые «не вписались в рынок», предлагалось лишь постепенное вымирание.

На этом социально-политическом фоне возникла удушливая атмосфера, сопровождавшаяся разгулом самых низменных страстей, возник духовный вакуум. Этот вакуум спешили заполнить многочисленные секты и религиозные движения, чья деятельность зачастую носила деструктивный и общественно опасный характер. Они устремились на просторы исторической Руси, или, как чаще говорят сегодня, Русского мира, со своей псевдохристианской проповедью.

Например, учебники секты Сан Мен Муна открыто распространялись в школе, передачи центра неизвестного Секо Асахары регулярно в прайм-тайм шли на петербургском радио. А сегодня, как мы знаем, Секо Асахара и его помощники осуждены за терроризм. Вот какие страшные фигуры многие принимали в то время за носителей светлых и прогрессивных идей.

Но в конечном счете надежды ложных проповедников не оправдались. Несмотря на самоослепление многих и многих, нравственное чувство, возгнетое христианской идеей, поддержанное христианской культурой, сохранялось в сердцах наших людей. Но у Церкви, ослабленной после тяжелых испытаний XX века, к сожалению, не хватало в то время ресурсов, чтобы явить свидетельство о Христе каждому человеку.

Кроме того, в 1990-е так и не была преодолена догма об отделении Церкви не только от государства, но, по существу, и от общества. Многие пропагандисты новой, постсоветской идеологии негласно и неформально ратовали за то, чтобы Церковь продолжала оставаться в правовом гетто, сопротивлялись ее социальной миссии.

В ситуации неопределенности, апатии и холодного цинизма нарастали проявления социальной энтропии. Вслед за ослаблением и распадом государства возникли межнациональные конфликты, произошли разрывы экономических, культурных и общественных связей, крах экономики и обнищание населения, деградация образовательных, пра-

вовых и культурных институтов, катастрофическое снижение качества попечения о здоровье граждан, сокращение рождаемости — чуть позднее страна буквально сорвалась в демографическое пике.

Несмотря на все это, Церковь не отступала от своего долга, что проявилось, в частности, в ее миротворческой миссии в момент острого кризиса в 1993 году, в условиях многочисленных межнациональных конфликтов на постсоветском пространстве, в том числе и в ходе гражданского противостояния на Украине во втором десятилетии XXI столетия.

Постепенное устранение последствий социального регресса конца XX века началось только в 2000-е годы. В некоторых частях постсоветского пространства регресс все еще продолжается и углубляется, угрожая целостности общества. Тем не менее общая тенденция становится более оптимистичной. В ряде стран бывшего СССР участие Православной Церкви в общественной жизни стало более заметным, а ее внутренняя деятельность по новому раскрылась и укрепилась в новых исторических условиях.

При этом мы обязаны сделать необходимые выводы из итогов завершающегося на наших глазах исторического периода. Опыт потрясений XX века показал необходимость осознания политическими, общественными силами и их лидерами ответственности за последствия своих действий, какими бы благими намерениями они ни были обоснованы.

Оглавление

Предисловие ко второму изданию книги «Диалог с историей»	4
Вступление к изданию 2019 года	6

Глава первая. Роль Церкви в истории России

Русская Православная Церковь — единственный общественный институт в России, не терявший исторической преемственности. Православие задает параметры национальной идентичности, которые не вполне зависят от религиозности. Традиция говорит через нас, даже когда мы об этом не подозреваем. Богочеловеческая природа Церкви и соединение вечного с временным. Некорректно приписывать Церкви узкие регламенты — только роль хранительницы традиции или только роль строителя будущего. Расколов, смут, революций и контрреволюций в России больше быть не должно. В 1990-е не была преодолена догма об отделении Церкви от общества. Духовный вакуум и социалдарвинистская мораль. Церковь нуждается в свободном взаимодействии с государством.

Необходим академический труд «История Русской Православной Церкви в XX веке». Благодаря подвигу новомучеников сохранилось историческое бытие Церкви. Русская Православная Церковь — не Церковь Российской Федерации, но Церковь многих народов. В семье народов исторической Руси нет лишних братьев. Разрыв между личным и общественным в сознании — это тяжелейшее духовное увечье. Социальные вопросы рассмотрены

в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви». Урок из опыта минувшего века: нельзя строить общественную жизнь без Бога. Каким будет наш Русский мир с его византийским наследием, зависит от нас самих.

Глава вторая. Большой XX век России

Значение советского периода: взгляд с исторической дистанции. «Семнадцатый век породил семнадцатый год»: опыт национального раскола в России начинается с раскола церковного. Нельзя построить справедливое общество, отвергая духовно-нравственные основы жизни. «Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет». Социальная справедливость — одна из ценностей христианства и русско-византийской цивилизации. К достижению социальной справедливости ведет не революционный путь. «В будущее возьмут не всех» — это не христианский принцип. Внутренние и внешние факторы русской катастрофы XX века. В понятие «русская катастрофа» входит не только 1917 год и его последствия. Война против русских и других православных народов. Талергоф и Терезин появились раньше Освенцима и ГУЛАГа, идеи расового превосходства появились раньше гитлеровского режима. За что канонизированы Николай II и его Семья. История — это действие воли Божией во взаимодействии с волей человеческой. Противостояние общему врагу объединило людей, прежде разделенных братоубийственной бранью. Временное возрождение церковной жизни во время и после войны. В советском обществе, вопреки принудительному атеизму, доминировали христианские ценности. Необходимо объективное и непредвзятое исследование истории Отечества, начиная с самых ранних предпосылок исторических «срывов». Персональную ответственность за репрессии нельзя

подменять принципом коллективной вины и идеей «неполноценности» народа. XX век становится историческим прошлым. Исторические срывы имели место не только в России, они не должны ломать логику национальной истории. Народ и элита: проблема взаимодополнения. Споры «белых» и «красных» сегодня не имеют смысла: современная антирусская идеология одновременно «антибелая» и «антикрасная». В гражданской войне проигрывают обе стороны. Важность концепции примирения истории. История России не ходит по кругу, мы учимся на собственных ошибках.

Глава третья. Русский мир и его культура . . . 81

Русская ойкумена как историко-культурный феномен. Связь с Древней Русью. Церковь как историческое ядро Русского мира и гарант связи эпох. Русская Православная Церковь ответственна за распространение в мире русских ценностей. Культурная многополярность: никто не владеет эталонным образом современности. Знания о «правильной стороне истории» не существует. День народного единства — сакральная дата. Общенациональные идеи необходимо четко формулировать. Почему значительная часть Европы вначале рукоплескала нацизму. Что такое суверенитет гуманитарного пространства. Литературоцентризм русской цивилизации. Просвещение в Церкви и через Церковь.

Глава четвертая. Закон и нравственность . . . 119

Права человека в контексте христианского мировоззрения. Свобода одних не может быть реализована в ущерб свободе других. Политические спекуляции на теме прав и свобод в итоге ведут к их полному отрицанию. Христианство не разделяет идею нравственной «автономии» человека.

В секулярном позитивизме и либерализме отсутствует христианская категория греха. Релятивизм и технократические утопии становятся все более токсичными для общества. Неутешительные итоги развития секулярного модерна: «дивный новый мир» превзошел прежние эпохи в жестокости и расчеловечивании. Конец «конца истории». «Свобода, равенство и братство» — что осталось сегодня от лозунгов Французской революции? Выход из мировоззренческого тупика предполагает нравственный консенсус. У любой системы ценностей есть «внешний», трансцендентный источник. Сущность имитационной демократии. Необходимость смены модели развития. Неизбежный выбор: уменьшение неравенства или новый тоталитаризм в условиях цифровой эпохи. Дилемма закона и любви. Нравственное измерение культуры, политики и права. Современный либерализм о «человеке вообще», «общечеловеке», никогда не существовавшем в реальном мире. Нравственность и традиция уравнивают людей. Золотое правило нравственности на языке Евангелия. В культуре всех народов существует понятие положительного героя. Ценность любого закона — в опоре на нравственное чувство. Христианское богословие в плену у светской мысли. Просвещение как борьба с Церковью и ее рецидивы. Богословию предписывают поддерживать философию эпохи Просвещения. Как правильно использовать достижения светского разума? Христианский платонизм и наследие отцов-каппадокийцев. Деграция прогресса и дегуманизации общества. «Вера без дел мертва».

Глава пятая. Россия и Запад 155

Мир стоит на пороге новой эпохи. Пределы глобализации не за горизонтом, народам придется

искать опору для развития в собственной традиции. Растет роль религиозного фактора в жизни общества. Не существует «общечеловеческих ценностей», которые не уходили бы корнями в глубину религиозных традиций. Стремление говорить от имени абстрактной «общечеловеческой» личности — признак политиканства. Вера в социальные институты и правовые механизмы мертва без нравственного делания, без умения поступать по совести. Закон справедлив, если он отвечает нравственному чувству людей. Нравственный консенсус требует взаимного доверия, духовной солидарности, ответственности друг за друга. На проблему отношений России и Запада следует смотреть с исторической и духовной точек зрения. Принцип «догоняющего развития» иницирует отсталость. «Западный мир» превращается в условное понятие, Запад — разный, «Европ» сегодня много. Вслед за Николаем Данилевским приходится признать факт параллельного развития наших обществ. Научно-критическое мышление не тождественно слепой вере в технологии. Общность нравственных ценностей у разных народов не означает тождества моделей их развития. Мирное существование требует отказа от разделительных линий и ярлыков. Необходимо сохранить неприкосновенными парадигмальные основания разных культур. В русской культуре невозможно отрицание права на жизнь. Разрыв между Россией и странами западной цивилизации сегодня гораздо выше, чем он был во времена холодной войны. Полный отказ от христианских основ идентичности происходит на Западе именно сегодня. Информационное вторжение в сферу религиозных чувств. Вызов радикального ислама как ответ на вызов радикального секуляризма.

Многополярный мир и межкультурное сотрудничество. Конгломерат непохожих единств: культура каждого народа представляет собой не часть целого, а уникальный вариант этого целого. Труды солунских братьев создали мост в Византию для славянских народов. Общества с вертикальной динамикой основаны на стремлении к высшим ценностям. Русская мечта о царстве Божией правды и справедливости. Интерьер русского храма как «образ неба на земле». Русские христианские ценности: жертва ради ближнего и идеал целомудрия. Не вычеркивать ничего из своей истории: отрицательный опыт тоже промыслителен. Национальный синтез: православная традиция и русский инженерный гений. Наследие Византии — согласие народов, объединенных в историческую Русь. Стремление к мировой гегемонии не характерно для нашей культуры. Национальное противостояние на Украине и действия внешних сил: Украинская Православная Церковь — единственная миротворческая сила. Борьба за будущее — это борьба за антропологию, за определение того, что есть «человек». Трансгуманизм как квазирелигия. Прогресс — преобразование окружающего мира, а не сознания людей. Современные цифровые технологии способны тотально ограничить человеческую свободу. Дегуманизация общественных отношений. Секуляристские табу: не думать о диаволе, о конце света и о смерти. Проблема аборт и проблема социально-экономического расслоения. Альтернатива бесконечной борьбе — равноправный диалог народов. Человечество ищет новую почву для объединения. Общество опирается не на индивидов и «малые группы», а на семью. Защита прав детей не может противоречить интересам семьи. Семья как принцип связи поколений. Общество

ОГЛАВЛЕНИЕ

структурировано как «семья семей». Как соединить традицию и современность? Включение в современную культуру ценностей патрологического наследия: «Вперед — к отцам». Жизнеспособно лишь то, что несет добро.

Эпилог	203
А. В. Щипков. О мыслях Патриарха Кирилла ..	210

Духовно-просветительская православная литература

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл

ДИАЛОГ С ИСТОРИЕЙ

Главный редактор
епископ Балашихинский Николай
Заведующая редакцией *Т. Тарасова*
Редакторы *Е. Полищук, Н. Мамлина*
Дизайн *И. Пронин*
Технический редактор *З. Кондрашова*
Корректор *М. Просветова*
Верстка *М. Алимбиев*

Фото на обложке пресс-службы
Патриарха Московского и всея Руси Кирилла

Подписано в печать 05.02.2020.
Формат 84×108 1/32. Объем 7,0 печ. л.
Печать офсетная. Заказ №

Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви
119435, Москва, ул. Погодинская, 18
Оптовый отдел реализации:
+7 (499) 246-20-85, +7 (499) 246-52-08
Магазин на ул. Погодинской: +7 (499) 245-30-68
Магазин на ул. Бакунинской: +7 (499) 246-25-35
E-mail: books@rop.ru, <http://www.rop.ru>